

Политолог Дмитрий Фурман – об уроках египетского кризиса

Опубликовано 03.02.2011

Е.КИСЕЛЕВ: Приветствую всех, кто в эту минуту слушает радио «Эхо Москвы» или смотрит телеканал RTVi. Это программа «Власть» и я, ее ведущий, Евгений Киселев. Как всегда, смотрите и слушайте нас по пятницам, в 8 вечера по московскому времени. Главным событием, которое обсуждалось на минувшей неделе больше всего, было подписание российско-украинских договоренностей, которые, кажется, положили конец газовой войне между Москвой и Киевом. Подробнее о том, какое политическое значение прошедшие переговоры по газу, которые вели Медведев и Путин для понимания природы российской власти - в материале моего коллеги Евгения Бунтмана

Е.БУНТМАН: Газовый конфликт стал прекрасным ответом на вопрос о том, кто принимает решения в России. Президент Медведев и премьер-министр Путин до поры до времени действовали синхронно - по очереди выступали с громкими заявлениями, обвиняли Украину во всех возможных грехах, обещали Киеву европейские цены и грозили санкциями. Но это лишь слова и сотрясение воздуха, и однообразные заявления на третью неделю конфликта стали утомлять. В итоге оказалось, что между заявлениями и принятием решений настоящая пропасть. Как и раньше, как и во всех проблемных ситуациях, возникавших с марта 2008 г., решение принимает только один человек, и это вовсе не глава государства. Пример - Медведев созывает в Москве саммит по газовому вопросу, а потом саммит фактически срывается - из президентов был только Серж Саркисян, остальные ограничились министрами энергетики. После того как стало понятно, что первые лица заинтересованных государств туда приезжать не собирается, саммит тихо переименовали в конференцию, а Медведев оказался в положении хозяина, накрывшего стол, но так и не дождавшегося гостей. С дипломатической точки зрения - очевидный прокол. На все той же конференции российский президент заявил: «никаких уступок по ценам не будет», возможен только быстрый переход на европейские цены. А потом за стол переговоров с украинской стороной садится Путин, и, пожалуйста: Украина получает 20% скидку, вопреки Медведеву. Когда подобное происходит на Украине, никто не удивляется - Ющенко и Тимошенко не скрывают взаимной неприязни и обвиняют друг друга во всех смертных грехах - как-никак, Украине предстоят президентские выборы. Но в ситуации с Путиными Медведевым ни о каком конфликте, ни о какой борьбе речи нет - и президент и премьер без устали заявляют, что такой тандем - это лучшее, что только можно придумать для страны. Роль Путина понятна: он принимает все решения, он подписывает договор с Тимошенко, которая, кстати, не забыла публично оценить личный вклад российского премьера в урегулирование конфликта, что же тогда остается Медведеву? Вот это уже не очень объяснимо. Похоже, в Европе тоже для себя решил вопрос, кому из российских начальников обращаться с просьбой что-то решить, а с кем просто обмениваться дипломатическими любезностями. Наконец, соотношение между первыми лицами государства беспристрастно отображает и статистика: по данным компании «Медialogия», с 10 по 20 января Путина российские СМИ упоминали почти в полтора раза чаще, чем главу государства.

Е.КИСЕЛЕВ: Это был материал моего коллеги Евгения Бунтмана, а сейчас я хочу представить вам своего гостя - со мной в студии Дмитрий Фурман, главный научный сотрудник Института Европы и известный российский политолог. Дмитрий Ефимович, спасибо, что согласились принять участие в нашей программе, что вы думаете - почему наша «танDEMократия» работает все больше и больше таким образом, что возникает твердое отношение у большинства людей, что все-таки главный у нас - премьер-министр? Почему большие надежды, которые возлагали многие на смену курса, который всегда происходил в нашей истории со сменой первого лица, не состоялись?

Д.ФУРМАН: дело в том, что и смены первого лица по-настоящему нет. В нашей системе хозяин всегда был один - это не только наша, постсоветская система, но вообще русская система. Были периоды, как они назывались, коллективного руководства, но это обычно промежуточный период, пока хозяин не берет все в свои руки. Сейчас возникла ситуация совершенно необычайная, очень странная, изобретенная В.Путиным. Это ситуация «танDEMократия». Ситуация, когда фактически президент назначен премьером. Следовательно, ни психологически, ни политически, он не может поступить с премьером так, как до этого все президенты поступали с премьерами.

Е.КИСЕЛЕВ: То есть, вы говорите - нынешний премьер-министр за год до этого, в декабре прошлого года объявил о том, что преемник Медведев, и тем самым его назначил.

Д.ФУРМАН: Да. Я отнюдь не хочу сказать, что Медведев пешка, что он абсолютно несамостоятельная фигура и что он вообще ничего не значит - нет, но, тем не менее, есть такой факт. И этот факт, конечно, накладывает колоссальные ограничения на Медведева - нельзя не только отправить в отставку премьера, которому ты обязан властью, но нельзя даже выразить ему неудовольствие. Тем более, что наша политическая верхушка панически боится одного - так называемого раскола элиты, о котором все много говорили и который, в общем, в этой ситуации довольно реален - естественно, потому что люди все-таки разные и находятся в ситуации, крайне неудобной для обоих.

Е.КИСЕЛЕВ: А чем опасен раскол элиты - не теоретически, а в нашем данном конкретном случае?

Д.ФУРМАН: Во-первых, он противоречит нашей психологии, в том числе, психологии элиты, которая всегда хочет одного хозяина, который не любит выбирать. Но раскол элиты чреват, в общем, какими-то шагами к другой политической системе, чреват какими-то шагами в сторону демократии. Например, когда было нечто вроде намечавшегося раскола элит в конце ельцинского правления, мы были, в общем-то, на несколько шагов от возможных реальных альтернативных выборов - когда были Примаков, Лужков, с другой стороны президент.

Е.КИСЕЛЕВ: Но не дошло. И Лужков не пошел на выборы и Примаков не пошел на выборы.

Д.ФУРМАН: да. Но этот страх очень силен, потому что действительно, это переход к какому-то новому состоянию, чего панически не хочет наша верхушка. И в силу этого получается крайняя скованность власти. Они должны действовать синхронно, они боятся посылать какие-то сигналы о каких-то своих различиях, но так как это все-таки люди разные, психология разная, какие-то сигналы объективно посылаются - но это не сознательные сигналы, а случайно вырвавшиеся сигналы. И как мне представляется, это страшно увеличивает инерционность и неповоротливость нашей политики, человек, который обладает всей полнотой власти, он всегда может что-то изменить, что-то скорректировать - даже в своей собственной политике, своих собственных поступках, человек, пришедший на смену другому, обязательно будет что-то корректировать - это естественно, так было всегда, и это не только в демократических странах, но и монархиях - каждый царь что-то, но меняет. А вот когда люди связаны друг с другом как сиамские близнецы, и когда они панически боятся нарушить эту связь, они очень скованы. Возможность коррекции курса очень сложна. И происходит довольно сильная инерционность. Мне кажется, - я не на 100% уверен, но так думаю - то, что этот конфликт длился так долго, связано именно с этим, с внутренними причинами. В конце-концов, уладить эту проблему можно было бы значительно раньше. Но когда проблема заключается даже не столько в улаживании этой проблемы, сколько кто это будет делать, как, чтобы как-то не показалась, что один делает не то, что другой - все это усложняется и процесс увеличивается.

Е.КИСЕЛЕВ: А может быть, возникает ситуация, когда премьер-министр, опытный государственный руководитель, политик, видит какие-то ошибки президента и их поправляет? Я не говорю, действительные ли это ошибки, или нет и в интересах ли России, что они поправляются тем образом, каким они поправляются. Вспомните - Медведев едет на саммит «Восьмерки» в Японию, там принимается важное заявление о том, что нужно ввести санкции против Зимбабве - вы помните? Медведев подписывает это заявление, и буквально через несколько дней, по сути дела, в ООН представители России дезавуируют подпись президента, объявив о том, что Россия наложит вето на резолюцию Совета Безопасности о санкциях против лидеров - не просто против режима, всего народа Зимбабве, всей страны - а только санкции против конкретных руководителей режима. И та же самая ситуация возникает сейчас, на саммите «Двадцатки» в Вашингтоне - один из важных документов, которые были приняты - это обязательство не вводить никаких ограничительных барьеров в международной торговле, и тут же правительство, вопреки тому, что Медведев присоединился к этому заявлению, вводит ограничительные пошлины, усложняющие ввоз иностранных автомобилей, что это?

Д.ФУРМАН: Во-первых, совершенно естественно, что в этом тандеме сейчас доминирующую роль играет, конечно, премьер - хотя бы просто потому, что он уже 8 лет царствовал, у него все эти проблемы ему знакомы, у него некие наработанные реакции, наработанные подходы. Второе - конечно, здесь могут быть какие-то разногласия, премьер может поправлять президента - кстати, можно привести и другие примеры, когда президент поправлял премьера тоже. Но мне кажется. Важно не это. Важно то, что с какой напряженностью вся политическая среда вокруг премьера и президента, ловит сигналы возможных их расхождений, и этого они больше всего боятся. И отсюда стараются максимально этого избежать. Но какая-то часть этих вещей может объясняться и просто некоей несостыкованностью, несогласованностью - это не обязательно сознательно сделанные поправки.

Е.КИСЕЛЕВ: Вопрос, который возникает - почему сама сила президентского института, президентской власти, которая, как думали, очень быстро наполнит, казалось бы, политически-слабую фигуру Медведева нездешней силой, - почему в данном случае эта магическая сила кремлевских стен не работала, которая неоднократно в прошлом относительно слабых и неопытных политиков очень быстро превращала в политических тяжеловесов? Или просто времени еще мало прошло?

Д.ФУРМАН: Мне кажется, что времени все-таки мало прошло. Времени мало прошло и обстановка была довольно сложная для нового президента - ему на долю сразу же выпали такие неприятности, как грузинский конфликт, потом газовый, украинский, в которых он, естественно, шел по проторенной дорожке, сойти с нее означал разрыв тандема. Сойти с нее он не мог, он здесь следовал в фарватере. Я не знаю, конечно, чем все это кончится - это странная, болезненная для обоих и для всей системы, ситуация, но хотел бы сказать - всегда все люди, которые имели возможность выбрать некоего

начальника, не желая при этом исчезнуть самим с политической арены, всегда старались выбрать естественно того, кому они больше всего доверяли и того, кого они считали самым слабым.

Е.КИСЕЛЕВ: например?

Д.ФУРМАН: Это вся история советской власти. Сталин был самым слабым - сильным был Троцкий. Хрущев вообще всерьез не воспринимался - совершенно. Настоящая фигура Молотов, Берия, Маленков, против которых все ополчились. Брежнев вначале тоже всерьез не воспринимался - это нормально. Но есть еще одна закономерность: всегда все, кто совершал этот выбор, в конечном счете, ошибались, всегда оказывалось, что Сталин сильнее, потом Хрущев оказался сильнее этих ультра-тяжеловесов, как Берия и Молотов. Так что здесь еще далеко все не кончено, впереди еще много времени и посмотрим, как будут развиваться события. Я бы не сказал, что здесь все ясно.

Е.КИСЕЛЕВ: Тут мы поставим точку с запятой, и затем продолжим наш выпуск. Оставайтесь с нами.

РЕКЛАМА

Е.КИСЕЛЕВ: Продолжаем выпуск программы «Власть», и сейчас мы напомним вам о некоторых наиболее важных, заметных событиях минувших дней и их ньюзмейкерах в нашей традиционной рубрике, где мы называем трех политиков, которые набрали дополнительные репутационные очки и трех, которые очки потеряли. Еще один материал Евгения Бунтмана.

Е.БУНТМАН: Предприниматель и медиа-магнат Александр Лебедев эту неделю завершает в плюсе - он приобрел лондонскую газету «Ивнинг стандарт» за символическую цену в один фунт стерлингов, пообещав в дальнейшем вложить в нее десятки миллионов. Для британской прессы на этой неделе Лебедев стал одной из центральных фигур, его называют «олигархом-англоманом», и считают, что его приход в издание это явление скорее положительное. Хотя и припомнили бизнесмену работу в КГБ, Для Лебедева покупка газеты стала, безусловно, имиджевой победой.

Для митрополита калужского и Боровского Климента эта неделя стала не слишком удачно - борьба за место патриарха, похоже в самом разгаре. Во всяком случае, на этой неделе до предела обострилась война компроматов. Претензии к его главному сопернику, нынешнему местоблюстителю престола Кириллу известны давно - табачные дела 90-х, экуменизм, симпатии к западу. Зато на этой неделе удар по позициям Климента нанес бывший глава Министерства по налогам и борам Александр Починок, который в эфире «Эхо Москвы» заявил, что к скандалам с табаком и алкоголем в большей степени причастен как раз Климент, который в то время возглавлял штаб РПЦ по получению гуманитарной помощи, и это удар куда более ощутимый, чем не очень внятные обвинения митрополита Кирилла в ереси.

Продолжается и другой негласный конфликт между генпрокуратурой и Следственным комитетом, и пока, похоже, очередную локальную победу одерживает генпрокурор Юрий Чайка. В Госдуме из Верховного суда поступил законопроект, по которому ведомству Чайки возвращается право возбуждать уголовные дела против VIP-персон - депутатов, спикеров, и так далее. Впрочем, спикер Госдумы Б.Грызлов сказал, что этот закон не будет принят, и назвал инициативу преждевременной.

Бывший совладелец компании «Евросеть» Евгений Чичваркин стал еще одним экономическим иммигрантом - он не вернулся в Россию после новогоднего отпуска, а позже стало известно, что он может быть объявлен в международный розыск, Чичваркина обвиняют в причастности к похищению человека сотрудниками «Евросети», так что бизнесмена, видимо, не спасла ни продажа компании, ни поддержка умеренно-либерального «Правого дела».

Президент Ингушетии Янусбек Евкуров на этой неделе получил серьезную поддержку - с неожиданным визитом в республику прибыл президент Медведев, который фактически поддержал усилия Евкурова по преодолению последствий осетино-ингушского конфликта, в частности, возвращения беженцев в Пригородный район. Евкуров, пришедший на место стремительно утратившего популярность Зязикова, а также получил обещание серьезной финансовой помощи, ненамного меньшей, чем Чечне.

Последний минус непривычный - обычно мы не относим президента страны к числу тех, кто приобрел или потерял политические очки, но этот случай особенный: прямо в центре Москвы было совершено чудовищное убийство - адвоката Станислава Маркелова, который защищал интересы потерпевших по делу Буданова и журналистки «Новой газеты» Анастасии Бабуровой. И Дмитрий Медведев, который так много говорил о торжестве закона и защите граждан, так и не посчитал нужным высказаться по этому поводу.

Е.КИСЕЛЕВ: Мы продолжаем беседу с гостем сегодняшней программы, политологом Д.Фурманом. Дмитрий Ефимович, откуда это идет - Медведев, который говорил, что свобода лучше несвободы,

который, по-моему, искренне является поборником права, юриспруденции, до мозга костей, и такой равнодушие? Пожалуй, ни о чем так много не говорили на этой неделе, как об этом страшном двойном убийстве, когда убили демонстративно, среди белого дня, это было на какую-то публичную казнь. Это адвокат, который ездил на метро, ходил без охраны, и если бы его хотели просто убрать - не журналистское это дело, киллерам давать советы, но мы понимаем, что застрелили бы его так, как застрелили Анну Политковскую - поджидали бы его в подъезде собственного дома, - нет, вот так, демонстративно, в центре Москвы, и тут же застрелили журналистку, которая пыталась помешать убийце. Медведев молчит. Хотя у меня перед глазами встает он с букетом цветов у гроба Солженицына во время похорон на кладбище Донского монастыря.

Д.ФУРМАН: Еще один пример - он молчит по делу Светланы Бахминой - это еще такой же пример. Знаете, я лично объясняю все это его крайним страхом выступить с какими-то заявлениями, какими-то сигналами не-путинскими, с каким-то косвенным осуждением Путина. Не столько потому, что он просто так боится Путина, сколько потому, что он боится - оба они боятся, все они боятся - раскола. Возникает трещина, и в эту трещину бросятся все, самые разные общественные силы и начнут ее усиливать и раскалывать - вот этого они боятся. Любой его жест он вообще воспринимается, рассматривается в лупу, воспринимается, можно ли от него ждать что-то новое. Периодически он такие жесты дает - они просто вырываются сами собой, - Путин и Медведев довольно разные люди и эти различия не могут нивелироваться

Е.КИСЕЛЕВ: По воспитанию, социальному происхождению, по социализации..

Д.ФУРМАН: По психологии. А психология и идеология они довольно связанные вещи. То есть, люди с разной психологией, но одной идеологией всегда вносят в эту идеологию некоторые свои нюансы и подвижки. И мне думается, что из-за этого страха, сковывающего его, он и не делает этих вещей. Это видно по его лицу - это человек не злой.

Е.КИСЕЛЕВ: Медведев?

Д.ФУРМАН: да. Ну, помиловать беременную женщину, отпустить родившую - по-моему, естественно и нормально.

Е.КИСЕЛЕВ: на этой неделе Верховный суд Мордовии рассматривал дело Бахминой, казалось бы, что стоило верховному суду ее опустить - нет, он признал незаконным отказ в УДО, но мог же и вынести решение освободить ее - нет, отправили дело на новое рассмотрение в районный суд.

Д.ФУРМАН: Потому что любой такой сигнал - это косвенное осуждение если даже не дела ЮКОСа, а крайностей дела ЮКОСа, косвенное осуждение если не политической линии предшествующей, то стиля политического - этого допустить он не может. Я не очень ему завидую. В общем, мне кажется, что положение его довольно сложное

Е.КИСЕЛЕВ: Но ведь так не может всегда продолжаться?

Д.ФУРМАН: Впереди - 4 года. Я с трудом себе представляю, что эти 4 года так спокойно истекли, без какого-то надлома.

Е.КИСЕЛЕВ: Вы говорили об исторических примерах - мы вспоминали Хрущева, если сравнивать с Хрущевым, мы сейчас живем в начале 54-го года - еще года не прошло президентства Медведева.

Д.ФУРМАН: да, еще не до конца ясно, Хрущев хозяин или не хозяин.

Е.КИСЕЛЕВ: Многими хозяином воспринимался Маленков, председатель Совмина СССР. Если сравнивать с Горбачевым - мы не дожили еще до Чернобыля, который по-настоящему перевернул ситуацию в стране.

Д.ФУРМАН: И еще здесь важный момент. Эту проблему мы толком не знаем, и знать ее невозможно, но мы можем предполагать - есть ли в правящей верхушке, это не только Путин и Медведев, но в правящей верхушке в целом, какое-то смутное ощущение, что надо что-то немножко скорректировать, что тот путь, которым мы шли при Путине, это правильный путь, Но уже хватит, уже начинается какой-то новый этап, и новый этап предполагает какой-то хотя бы новый стиль и новое лицо. Вот у меня лично такое ощущение - я понимаю, что доказать этого не могу - что такое ощущение было даже самого Путина, что это его решение уйти с поста президента, отчасти связано с этим, - с каким-то ощущением, что страна выходит к какому-то новому этапу и нужен несколько иной человек. Очень ведь любопытно, что он выбрал человека, не очень похожего на себя - то есть, они одного роста - наверное, это что-то значило, но психологически они не очень похожи. Я так думаю, что, наверное, Иванов психологически и социально ближе.

Е.КИСЕЛЕВ: да, говорят, что самый близкий и доверенный человек был - во всяком случае, в прошлом так говорили.

Д.ФУРМАН: Да. Но выбрал он не очень похожего человека. То есть, за этим выбором тоже, похоже, стояло какое-то ощущение, что новый этап, новые люди, новый имидж нужен. Но, во-первых, он не решился пойти здесь до конца, и я это отлично понимаю, потому что уйти по-настоящему, уйти полностью человеку не старому в этой ситуации очень трудно психологически. И сказав «А» он не сказал «В» - просто уйти он не смог.

Е.КИСЕЛЕВ: Здесь мы ненадолго прервемся, а затем продолжим наш разговор. Оставайтесь с нами.

НОВОСТИ

Е.КИСЕЛЕВ: В минувший вторник в Вашингтоне состоялась церемония инаугурации новоизбранного 44-го президента США Барака Обамы. Наверное, многие наши зрители и слушатели смотрели эту церемонию, которая транслировалась на весь мир. Честно сказать, я смотрел кадры из Вашингтона со смешанным чувством - с одной стороны, испытывал искреннюю радость за американцев, которые откровенно, хотя, быть может, несколько наивно связывают с персоной Обамы надежды на перемены к лучшему в стране, пораженной тяжелейшим экономическим кризисом, с другой стороны, к этой радости примешивались грустные мысли и чувства. И об этом - наш сегодняшний редакционный комментарий.

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Е.КИСЕЛЕВ: Первый в истории чернокожий президент США официально вступил в должность на волне беспрецедентного общественного оптимизма: 78% американцев одобряют первые шаги Обамы. Ни один президент в истории США не пользовался столь высоким доверием граждан в начале своего первого президентского срока. В день инаугурации в Вашингтоне выдалась необычно холодная погода, но это не отпугнуло огромные толпы желающих поприсутствовать на историческом событии: два с половиной миллиона человек собрались в гигантском сквере, протянувшемся в центре Вашингтона между памятником Аврааму Линкольну и зданием Капитолия. Люди приезжали в столицу из соседних городов, все парковки были забиты машинами, уже в 5 утра пригородные поезда были переполнены. Тысячи людей размахивали американскими флагами, портретами нового президента США, когда Обама. в обнимку с женой Мишель после церемонии инаугурации пешком шел по Пенсильвания-авеню от Капитолия к Белому Дому. Такого грандиозного торжества не было давно - не только в Вашингтоне, по всей Америке - от Нью-Йорка до Лос-Анджелеса, от Атлантического побережья до Тихого океана, на площадях городов собирались толпы, чтобы на огромных экранах смотреть прямую трансляцию инаугурации Барака Обамы. Улыбки, смех, объятия, фотографии на память - в общем, настоящий народный праздник.

А теперь вспомним 7 мая 2008 г., официальную церемонию вступления в должность нового президента России. Пустой, словно вымерший центр Москвы, кортеж Медведева на безлюдной набережной, опустевший Кремль, мрачное лицо Путина, две с половиной тысячи особо-важных персон в имперских интерьерах Большого Кремлевского дворца, отгороженные от вступающего в должность президента красным канатом. И все. Народ безмолвствует. Торжественно, конечно, но совсем, как говорится, из другой оперы - больше похоже на коронацию государя-императора.

А теперь скажите, где настоящая демократия, где подлинный, не казенный патриотизм? Где настоящая, не купленная на деньги политтехнологов, гражданская активность? Какая система жизнеспособнее, выдержит испытания, что называется, на изгиб и на разрыв, и какая страна выйдет из кризиса скорее и с наименьшими потерями, и вновь окажется величайшей мировой державой?

Е.КИСЕЛЕВ: Продолжаем разговор с сегодняшним гостем, Дмитрием Фурманом, главным научным сотрудником Института Европы РАН, известным политологом. Скажите, когда-нибудь в России может возникнуть полнокровная демократия, или же, как многие утверждают, это невозможно в силу целого комплекса исторических, культурологических, экономических, географических, наконец, обстоятельств? Истории страны, традиций многовекового рабства - крепостного права, последствия самодержавия, коммунизма, ортодоксального православия, и так далее?

Д.ФУРМАН: Подробно и полностью отвечать на этот вопрос - это заняло бы слишком много времени, поэтому я могу только постулировать, обозначить свою позицию. С моей точки зрения, демократия - это часть вообще современности/, современного мира. Она возникает в определенном географическом регионе, в определенных культурных условиях, но далее она распространяется на самые разные страны. Причем, усвоение вот этого достижения современного мира, современной цивилизации, оно в разных странах или более легкое, или более трудное - в силу разных причин, но, прежде всего, в силу

различных культурных особенностей. В России, очевидно, более трудно, чем в других странах. Но когда говорят о российской безнадежности с точки зрения демократии, я всегда говорю, что еще в начале 20-го века само словосочетание «турецкая республика» выглядело как что-то смешное, нелепое. А сейчас есть - не совсем такая идеальная и развитая, но все-таки вполне жизнеспособная, рабочая. Турецкая демократия. Есть тайваньская демократия, есть южнокорейская демократия, есть очень жизнеспособная, хотя тоже со своими проблемами, индийская демократия, есть, кстати, монгольская демократия - очень неожиданно. Я не могу объяснить, почему, надо изучать эту страну, чтобы объяснить, почему, что там есть такое, но, тем не менее, факт есть факт. То есть, процесс идет, зона демократии, которая была в начале 20 века она была абсолютно ничтожна, в середине - немножко больше. Но она постепенно расширяется. И поэтому для меня нет вопроса, может ли Россия прийти к демократии. Для меня даже нет вопроса, придет ли она к демократии - она обязательно придет к демократии, и не только может, но и должна прийти. Но вот когда это будет, какой ценой это произойдет, будет достигнуто и в каких формах - на это я ответить не могу, естественно.

Е.КИСЕЛЕВ: Хорошо. А что мешает? В конкретной нынешней исторической ситуации?

Д.ФУРМАН: В данной конкретной исторической политической ситуации мы имеем законченную имитационно-демократическую систему, в которой есть определенный фасад демократический и есть реальная система управления, которая основана на безальтернативности президентской власти. Ну и сейчас еще такая деталь, как передача президентом власти избранному им преемнику. В принципе, это та же система, которая существует в Азербайджане, Казахстане, Белоруссии, а за пределами СНГ - в Сирии, Египте, и так далее. Это законченная система, пока она есть, демократии нет вообще.

Е.КИСЕЛЕВ: Она способна эволюционировать, так, скажем, как эволюционировал советский режим в конце 80-х гг.? Все реформы в России всегда затевались сверху, всегда инициировались некоей просвещенной частью элиты. Помните, вы говорили, что у вас было ощущение, что Путин к концу своего президентского срока почувствовал, что путь, которым развивается страна, тупиковый, и он выступал тогда фактически с еще одним своим обращением к стране - это фактически было его внеочередное, внеплановое президентское послание - в самом конце срока, и он тогда сказал, - боюсь, что не смогу процитировать дословно, но смысл был такой, что у нас успехи, но если мы будем и дальше развиваться так, как развиваемся, то ничего мы не добьемся.

Д.ФУРМАН: Я, к сожалению, не помню этого эпизода.

Е.КИСЕЛЕВ: Смысл был такой - мы не совершим никакого цивилизационного, экономического прорыва.

Д.ФУРМАН: думаю, что такие ощущения есть, и у него, наверное, есть и у Дмитрия Анатольевича есть. Но дело вот, в чем - проблема перехода от имитационной демократии к реальной демократии, она довольно сложная. На первый взгляд, по сравнению с переходом к демократии от коммунистического режима, проблема здесь значительно меньше - не нужно ликвидировать систему государственности, уже есть законы, в общем, более или менее подходящие, что-то там нужно менять, но главное не в этом - главное, их надо соблюдать. Есть даже Конституция - строго говоря, она не должна меняться - в конечном счете, она должна поправляться, но в ней многое записано.

Е.КИСЕЛЕВ: Кстати, на этой неделе у нас вступили в силу поправки, продлевающие президентский срок до 6 лет.

Д.ФУРМАН: И совершенно непонятно, для чего это и кому это... Так вот, по сравнению с той титанической работой, которую взял на себя Горбачев, здесь, вроде бы, значительно меньше работы. Но на самом деле здесь есть одна колоссальная сложность - почему ситуация демонтажа сверху очень крайне маловероятна и возможности ее очень ограничены. Дело в том, что нужен один шаг - самое главное, чтобы перейти от этой системы к следующей - сделать первый шаг: чтобы на выборах победил не ты или не тот, на кого ты указал. То есть, задача власти становится какой-то психологически нелепой - власть не может готовить себе противника. Власть не может заниматься сознательным деланием оппозиции, созданием оппозиции - это психологически противоестественно. Не может готовить свое собственное электоральное поражение - это должно делать общество. Е.КИСЕЛЕВ: То есть, здесь не получится как у Чубайса, который занимался тем, что готовил коллективное самоубийство корпорации под названием РАО ЕЭС?

Д.ФУРМАН: И здесь отличие ситуации от Горбачева. Именно потому, что у Горбачева была невероятно большая, трудная задача, он мог довольно долго совершать какие-то шаги, которые бы встречали только аплодисменты, и все были очень рады и довольны - ну, скажем, в этом году издали какие-то книги, а в следующем уже отпустили Сахарова - этот процесс можно было растянуть на очень долго. И опасность смены власти возникает лишь на очень позднем периоде, она и длилась довольно долго - он демонтировал, пока не возникла эта опасность.

Е.КИСЕЛЕВ: Но она в конце-концов сломалась.

Д.ФУРМАН: В конце концов, сломалась. А здесь сам этот переход...

Е.КИСЕЛЕВ: То есть, процесс был эволюционным, но в какой-то момент произошла ломка.

Д.ФУРМАН: А здесь нет такого долгого периода. Если мы предположим, что президент поставит сознательно задачу сделать страну демократической - во-первых, это задача психологически-немыслимая - это значит, что надо вырастить себе оппозицию - чтобы противоестественно. Во-вторых, у него нет этого большого расстояния - когда ты что-то одно демонтируешь, немножко другое демонтируешь - расстояния здесь очень сокращены, и он сразу оказывается перед значительно более трудными психологическими проблемами, хотя формально более легкими, чем проблемы Горбачева.

Е.КИСЕЛЕВ: Хочу вас на секундочку прервать. На этой неделе были опубликованы данные наиболее трех наиболее авторитетных служб общественного мнения, «Левада-Центра», ФОМа и ВЦИОМа относительные показатели доверия, поддержки к основным политическим игрокам - к В.Путину и Д.Медведеву, которые сегодня являются главными персонажами нашей программы, главными фигурами, которых мы обсуждаем. И об этом сейчас в нашей следующей рубрике.

Е.КИСЕЛЕВ: В январе, по данным ВЦИОМ, рейтинг Путина составил 77%, рейтинг Медведева - 75%. По данным «Левада-Центра» рейтинг Путина составляет 83%, Медведева - 75%. Наконец, последний опрос Фома показал рейтинг Путина на уровне 71%, рейтинг Медведева - 56%. Уточним, что ФОМ замеряет рейтинг доверия к президенту и премьеру, а ВЦИОМ и «Левада-центр» - рейтинг одобрения их деятельности. Любопытно, что по данным того же январского опроса «Левада-центра» граждане весьма скептически оценивают возможность правительства преодолеть кризис, на вопрос, сможет ли правительство добиться изменения ситуации в стране к лучшему, - «сможет» сказали 26%, «не сможет» - 32%, «может справиться, а может и нет» - 36%, 6% затруднились ответить.

Е.КИСЕЛЕВ: Дмитрий Ефимович, скажите пожалуйста, отчего это берется - такой странный феномен: кризис, есть данные о том, что адекватно граждане воспринимают ситуацию в стране, достаточно скептически оценивают возможности правительства изменить кризисную ситуацию в лучшую сторону, идут сокращения зарплат, увольнения, падает рубль, как сказали бы ветераны Госплана - «колоссальной важности» цифра была опубликована на прошлой неделе: грузоперевозки промышленные сократились более чем в треть, на 36%, РАО РЖД опубликовало эти данные - это значит, что в стране действительно колоссальные экономические проблемы. За одну неделю сожгли в топке поддержания национальной валюты - на днях была опубликована потрясающая цифра: за неделю, с 9 по 16 января, больше 30 млрд. долларов потратили резервов неприкосновенных, некогда стратегических, на поддержание курса рубля, который все равно опускается, и уже поговаривают о том, что если такими темпами дело пойдет, то сейчас меньше 400 млрд. этих резервов осталось, а глядишь, вообще ничего не останется. Уже аналитики некоторых инвестиционных компаний. «Меррил Линч», опубликовали специальную бумагу, в которой рекомендуют Центральному банку, если резервы сократятся до 300 млрд., прекратить интервенции с целью поддержания курса рубля. В общем, ситуация очень серьезная. И при этом это никак не отражается ни на рейтинге Путина, ни на рейтинге Медведева - чем это объяснить с точки зрения политологической?

Д.ФУРМАН: Мне кажется, что, во-первых, надо учитывать, что вот эти рейтинги, и вообще наши опросы в наших политических условиях они вообще значат нечто иное, чем опросы в демократических странах. Когда люди имеют какие-то реальные альтернативы - вы за этого или за этого, за такую политику, или за такую, - опрос значит одно. Когда такой альтернативы нет, психологическое значение ответа совершенно другое. Если бы сделали опрос, и вполне честный, люди бы не боялись, - предположим, в 1989 г. - «доверяете ли вы коммунистической партии СССР? Генеральному секретарю Компартии?» - я уже не говорю о 1985-1989 гг., - я уверен, что подавляющее большинство ответило бы «да». В общем, это ничего не значит, потому что этот опрос значит нечто иное, чем опрос американского ГЕЛЛАПа. Что «иное»? Означает следующее: если ты не доверяешь, ты должен что-то делать, должен предпринять какие-то действия. Это страшно. И нет никакого видимого способа эти действия предпринимать, никакой альтернативы нет, непонятно, что делать. Ну что, просто выходить на улицу и орать? Это уже конец, это уже бунт, до этого мы не дошли. Значит, пока очень долго держится вот такое «псевдо-доверие». Я абсолютно уверен - я не знаю, так ли это, делались ли такие опросы, или нет, но абсолютно уверен, что еще в 1989 г. он был, дал 90% доверия.

Е.КИСЕЛЕВ: Горбачеву?

Д.ФУРМАН: Горбачеву и Компартии СССР. «Считаете ли вы курс правильным».

Е.КИСЕЛЕВ: «Одобряете ли деятельность Горбачева», - несмотря на очереди за водкой, на растущий

дефицит.

Д.ФУРМАН: Несмотря ни на что.

Е.КИСЕЛЕВ: Главное - чтобы не было войны, да?

Д.ФУРМАН: Когда в ходе Перестройки начали вырисовываться реальные альтернативы, - Горбачев и Ельцин, - тогда ответы на такие вопросы стали более или менее осмысленны. То есть, «Горбачеву я не очень доверяю, а Ельцину доверяю». А когда выбора нет - «любите ли вы монарха?» - люблю, конечно, все мы любим нашего обожаемого монарха. Это ничего не значит - сейчас его любят, а завтра его могут растоптать. Собственно, как произошло с Горбачевым.

Е.КИСЕЛЕВ: то есть, вопрос опять в альтернативе.

Д.ФУРМАН: Вопрос в альтернативе. В обществе, в котором нет альтернативы - я бы даже дал такие сравнения, житейские, может быть, они покажутся странными - на протяжении веков в разных странах девушек выдавали замуж, не спрашивая их согласия, они могли даже не видеть этого жениха. Приблизительно так, как у нас выбирают президента. Но это же не значит, что они ненавидели своих мужей - им ничего не оставалось делать, как начинать их любить. Вот дают президента, и если нет никакого другого варианта, или другой вариант революционный, трагический вариант, надо что-то невероятное делать, и надо, чтобы довели человека, - вот если этого нет, что делать? Надо любить.

Е.КИСЕЛЕВ: Какая бы ни была экономическая ситуация.

Д.ФУРМАН: Какая бы ни была плохая экономическая ситуация.

Е.КИСЕЛЕВ: Ну что же, это обнадеживающая точка зрения для нашей нынешней власти.

Д.ФУРМАН: Она обнадеживающая до определенных пределов. Потому что переход от такой, ну, не знаю, - любви или доверия, к прямо противоположным чувствам - он очень быстр. Негатив накапливается, но он не доходит до той стадии, когда высказывается. Где-то в глубине сидит: все вроде плохо, и в ответах на другие вопросы это проявляется. Но это не доходит до того, что «я не доверю власти». Но когда это накапливается, где-то это доходит, и тогда возникает уже нечто куда более серьезное, чем просто снижение рейтинга. Это взрыв.

Е.КИСЕЛЕВ: Наше время подходит к концу, и я хочу сказать в заключении передачи - как всегда мы ведем обратный отсчет тюремного срока Михаила Ходорковского, бывшего главы ЮКОСа, судьба которого в известном смысле продолжает оставаться символом того путинского времени, которое продолжается и при Медведеве. Так вот сегодня до окончания этого тюремного срока остается 1004 дня. На этом все - напоминаю, что сегодня гостем нашей программы был политолог Дмитрий Фурман. Продолжение следует.